
НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 340

DOI:10.321249/iajpravo/2026.02.10

ЕГОРОВ А.В.¹ КОНЦЕПЦИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ (Статья)

Аннотация. В статье рассматриваются концепция правового государства, вопросы ее современной трансформации. Анализируются идеи правовой государственности в разных правовых системах, практика функционирования компонентов правовой государственности на постсоветском правовом пространстве и проблемы дифференциации семьи социалистического права с точки зрения разного отношения государств к практике реализации принципов правового государства в современных условиях. Предлагается создание единого международно-правового документа, закрепляющего принципы и основы организации правового государства в изменившейся многополярной правовой среде.

Ключевые слова: правовое государство; верховенство права; принцип разделения властей; национальная правовая система; правовая семья; правовая интеграция; сравнительное правоведение.

EGOROV.A.V. The concept of the legal state in the context of the global transformation of legal systems (article)

Annotation. The article discusses the concept of the rule of law and the issues of its modern transformation. The article analyzes the ideas of legal statehood in different legal systems, the practice of func-

---

¹ © Егоров Алексей Владимирович, ректор Белорусского государственного экономического университета, доктор юридических наук, профессор.

tioning of the components of legal statehood in the post-Soviet legal space, and the problems of differentiation of the family of socialist law from the point of view of the different attitudes of states to the practice of implementing the principles of the rule of law in modern conditions. It is proposed to create a single international legal document that establishes the principles and foundations of the organization of a rule-of-law state in a changed multipolar legal environment.

Keywords: legal state; rule of law; principle of separation of powers; national legal system; legal family; legal integration; comparative jurisprudence.

Для цитирования: Егоров А.В. Концепция правового государства в условиях глобальной трансформации правовых систем (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. Государство и право. – 2026. – № 2. – С. 136–149. – DOI: 10.31249/iajpravo/2026.02.10

Введение

Современные процессы формирования нового мирового порядка тесным образом связаны с концептуальной трансформацией национальных правовых систем, а также с качественным переустройством международно-правовых регуляторов. С конца 80-х годов прошлого столетия, когда на советском правовом пространстве стали внедряться юридические теории и идеи, составляющие суть правового государства, общество восприняло термины и понятия, присущие концепции правовой государственности. Однако в результате трансформации традиционных концепций профессиональное сообщество с трудом адаптировалось к изменению компонентов правовой государственности. Часть ее элементов так и не прижилась в классическом варианте на постсоветском правовом пространстве, но при этом присутствовала перспектива построения модели идеального государства, удовлетворяющей всех субъектов гражданского общества.

Универсальной модели правовой государственности не существовало. Каждое общество трансформировало классические воззрения мыслителей от Платона и Аристотеля до Монтескье и Гегеля и вносило свой правовой колорит в практику построения данной модели государства. Особую специфику приобретали конструкции правовой государственности в зависимости от традиционных типов правовых семей, в которые входили национальные

правовые системы. Так, своеобразием отличалась азиатская модель правового государства, в основе которой продолжало функционировать традиционное ядро религиозного начала¹. Особой дифференциацией характеризовалась романо-германская практика правовой государственности, по сути представленная двумя популярными вариантами развития соответствующих идей – немецкой и французской моделями государственного правового устройства².

Традиционно общество воспринимает идеи правовой государственности в ее англосаксонском исполнении, полагая, что именно такая конструкция представляет собой идеальную модель политического устройства³. Данный образец рассматривается в качестве целевой установки формирования национальных юридических практик. Само англосаксонское (англо-американское) право считается «общим правом» не только для соответствующей правовой семьи, но и для целого ряда правовых систем иной семейной принадлежности⁴. Как определяет Р. Давид, даже сам термин «общее право» не имеет «национального эпитета», является общим наследством всех наций⁵. Подобная доктрина применима и к англо-американской конструкции правового государства, по-прежнему признаваемой классической, идеальной моделью формирования национальной разновидности правовой государственности.

Относительную состоятельность такого похода обнаружили процессы глобальной трансформации национальных правовых си-

---

¹ Скурко Е.В. Правовые системы государств Азии: традиции и современность (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 4. – С. 171.

² Подробнее см.: Гаг Л.В. К вопросу об отнесении российской правовой системы к романо-германской правовой семье // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2022. – № 43. – С. 32–40; Высоцкая А.М. Соотношение российской правовой системы и романо-германской правовой семьи // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 24. – С. 19–24.

³ Дубровина Л.А. Компаративный анализ романо-германской и англосаксонской правовых семей // Государственно-правовые исследования. – 2023. – № 6. – С. 57.

⁴ Тирских М.Г. Особенности формирования политического режима в странах англосаксонской правовой семьи // Сибирский юридический вестник. – 2017. – № 1. – С. 139–143.

⁵ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. – Москва, 2009. – С. 268.

стем, активно развернувшейся в последнее десятилетие¹. От классической англосаксонской модели правовой государственности сохранилась система ее принципов, что также немаловажно как в научном, так и в ценностно-практическом плане. Но содержание всех компонентов претерпели существенные изменения, что определяет и иной подход к оценке концепции правового государства в будущем.

Принцип верховенства права в условиях трансформации мирового правопорядка

Основополагающей доминантой реализации правовой государственности является *принцип верховенства права*, существующий в пределах национальной юрисдикции. Содержание данного положения образуют требования к поведению всех участников государственной и общественной жизни, которые сообразуют свои действия строго в соответствии с положениями закона. При этом право определяет основы функционирования государственного, общественного строя, а также правовое положение личности². Открытым остается вопрос о том, каково содержания этих «основ», как правило имеющих конституционно-правовое закрепление. Принципиальное отличие всегда проявлялось в правовых системах с разной общесемейной идентичностью. И если родственные системы права закрепляли статус личности и основы конституционного строя однообразно, то в системах религиозно-общинного типа имелись принципиальные расхождения. Эта ситуация характерна для правовых систем как внутри семьи права, так и за ее пределами. В частности, Конституция Исламской Республики Иран не использует термин «личность», употребляя понятие «иранцы». При этом закрепляется, что иранцы, относящиеся к любому этносу или племени, обладают равными правами; цвет кожи, раса, язык и т.п. не ставит никого в привилегированное положение (ст. 19)³. Име-

---

¹ Гребнев Р.Д. Глобальное право как формирующееся направление правового регулирования международных отношений в многополярном мире // Вестник Московского университета. Сер. 27: Глобалистика и геополитика. – 2024. – № 1. – С. 23.

² Чиркин В.Е. Верховенство права: современные варианты терминологии // Журнал российского права. – 2015. – № 12. – С. 10.

³ Конституция Исламской Республики Иран. – URL: <https://m.bigenc.ru/vault/842aab8af053ad7646af713f092083a2.pdf> (дата обращения: 30.10.2025).

ются и другие конституционные формулировки, которые претендуют на закрепление принципа верховенства права.

Подобные примеры демонстрируют, что разница в подходах к содержанию принципов правового государства еще не говорит об отсутствии данного состояния государственности, в частности в исламских странах. Понимание принципов организации власти и действия права в этих политических единицах отличается от подходов европейских правовых систем романо-германского и англосаксонского типов.

В связи с этим стоит учитывать особенности формирования и функционирования правовой государственности в иных политических измерениях. В противном случае, дифференциация политической и правовой карты мира станет лишь усиливаться, что отразится на формировании нового мирового правопорядка. Необходимо признать наличие «исламского», «африканского», «китайского» («дальневосточного») правового государства. Задача юридической науки и практики – изучить данный феномен, инкорпорировать его элементы в общеправовое пространство.

Принцип верховенства права предполагает не только закрепление основ общественного и государственного строя, определение субъективных прав и юридических обязанностей участников общественных отношений, но и детерминированность правовыми нормами поведения общества и государства, что выражается в связанности правом «деятельности всех физических и юридических лиц, объединений, сообществ, органов государства и самого государства»¹. Данный принцип является основным и отражает суть состояния правовой государственности в определенной политической единице. В отдельных правовых системах реализация принципа верховенства не одинакова. Вся система власти в правовом государстве строится именно на принципах равного отношения к субъектам правоотношения. Если какой-либо из участников начинает злоупотреблять своим положением (статусом), то система рационального, правового управления нарушается. При этом изначально такие нарушения внедряются посредством правотворческого инструментария. Так, в некоторых странах складывается практика проведения экспертизы нормативных правовых актов. В Республике Беларусь существует предварительная криминологическая экспертиза на предмет выявления в проектах нор-

---

¹ Чиркин В.Е. Современный федерализм: сравнительный анализ / ИНИОН, РАН. – Москва, 1995. – С. 33.

мативных правовых актов норм, применение которых может повлечь возникновение негативных последствий в различных сферах общественных отношений в связи с наличием рисков криминогенного характера¹. Подобные или схожие экспертизы распространены в правовых системах романо-германского типа. Например, в Германии важное значение имеет правовая экспертиза, регламентация которой определяется в специальном нормативном документе². Также правовая экспертиза нормативных правовых актов является самостоятельной стадией правотворческого процесса в государствах Европейского союза³.

В других правовых системах шкала верховенства права с позиций связанности всех субъектов правоотношений нормами закона является иной. Наиболее специфической остается семья традиционного права, где распространены религиозные и обычно-правовые источники права⁴. Характер взаимодействия этих государств с иными субъектами правоотношений имеет специфические особенности. Публичная власть не просто определяет правила социального общежития, но и делает это с большой долей публичного усмотрения по поводу регулирования взаимоотношений с физическими и юридическими лицами. Например, исламское право, хотя и определяет перечень прав и обязанностей человека, но делает это в угоду международным конвенционным документам, отдавая вопросы положения личности и ее отношения с государством на откуп реальной правоприменительной практике. Суть последней в условиях религиозно-политической организации общественного устройства сводится к тому, что все права принадлежат Богу, а обязанности представляют собой человеческий компо-

---

¹ Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах». – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39125601&ysclid=mhmfmxmr2s890069419 (дата обращения 30.08.2025).

² Справочник по нормотворческой технике = Handbuch der Rechtsförmlichkeit Handbuch der Rechtsförmlichkeit: пер. с нем. / Герм. фонд междунар. правового сотрудничества. – 2 перераб. изд. – Москва: БЕК, 2002. – 260 с.

³ Кобец П.Н. Правовая экспертиза нормативных правовых актов – важнейшая стадия правотворческого процесса в государствах Европейского союза // Юридическая техника. 2022. – № 16. – С. 118–122.

⁴ Коркин М.С., Чернышов Н.В., Найденов К.Д. Нормативно-правовой акт как источник права: борьба НПА за верховенство на примере различных правовых семей мира // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 9–1. – С. 63.

нент в содержании традиционных правоотношений¹. В данных правовых системах вопрос верховенства права представляет собой не классическое управление поведением государства и человека посредством закона, а изменчивую систему взаимодействия личности и государства в зависимости от конкретных исторических условий и изменения религиозно-общинного права.

Принцип юридического равенства субъектов правоотношений в условиях трансформации мирового правопорядка

С принципом верховенства права, реализуемым в условиях разной политико-правовой организации общественного устройства тесно связан иной важный постулат правового государства, а именно *юридическое равенство субъектов правоотношений*. Суть данного принципа состоит в том, что все участники общественных отношений, урегулированных нормами права, являются равноправными субъектами независимо от своего статуса. При этом речь идет именно о юридическом равенстве, определенном нормативными правовыми актами.

Современная трансформация национальных правовых систем выявляет различия в реализации названного принципа относительно равенства субъектов перед законом и их равноправие перед судом. И если первое положение имеет статичный характер и определяется нормами национального права, то реализация тех же конституционных установлений в отношении права на судебную защиту претерпевает сегодня существенные изменения.

Во-первых, требует своего концептуального пересмотра сама доктрина процессуального права. Именно в сфере процессуальных правоотношений наблюдается наибольшее число нарушений. Материальное право останется социально безразличным для общества, если в рамках процессуальной сферы будут допущены принципиальные нарушения. Достаточно привести пример «Конституции победившего социализма» СССР 1936 г., закреплявшей широкий спектр прав и свобод человека, но не противостоявшей массовым репрессиям 1930-х годов².

Современные процессы информатизации общественной жизни, внедрения форм участия в технологические процессы, в

---

¹ Михайлов Ю.А. Пора понимать Коран. – Москва: Ладомир, 2007. – С. 27.

² Бредихин А.Л., Гончар А.А. «Конституция победившего социализма» 1936 года в политической системе Советского государства // Закон и право. – 2022. – № 6. – С. 17–20.

том числе и юрисдикционного характера, искусственного интеллекта, требует детальной и более технологичной проработки вопросов процедурного и процессуального регулирования реализации прав и законных интересов субъектов правоотношений. Большого прогресса в применении новых технологичных форм достигло арбитражное (хозяйственное) процессуальное законодательство, что было predetermined характером исков экономического характера. В Республике Беларусь в ближайшее время два процессуальных кодекса (Хозяйственный процессуальный Кодекс и Гражданский процессуальный Кодекс) прекратят свое существование, и их место займет новый кодифицированный документ – Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь (вступает в силу с 1 января 2026 г.). Несмотря на общие арбитражные традиции, российская практика процессуального реформирования не была столь кардинальной. Но все же процессуальная сфера общественных отношений обеих стран нуждается в принципиальном реформировании и, прежде всего, по причине новаций технократического характера.

Во-вторых, при реализации равноправия субъектов правоотношения перед судом возникает несколько проблем юрисдикционного характера. Традиционные функции судов в сфере правоприменения претерпели изменения. Зачастую судебные инстанции выходят за пределы толкования и применения нормативных документов и устанавливают новые нормативные правила. В этом прослеживается влияние англосаксонской прецедентной практики, активно воспринимаемой правоприменительной системой. Но, кроме того, судебское нормотворчество является еще и индикатором не всегда слаженной и качественной работы нормотворческих органов. Устраняя возникающие пробелы, суды создают «свое» право, которое если не противоречит, то существенно корректирует существующие правовые нормы. Как представляется, данный процесс судебского нормотворчества навряд ли стоит тормозить посредством правительственных и парламентских методов. Данную практику необходимо изучать и системно инкорпорировать в структуру национального правообразования.

Помимо указанных тенденций, система судебного правоприменения достаточно сильно изменилась за последние десятилетия. Появилась структура третейского правосудия, активно внедряемая в хозяйственной сфере. И хотя национальные законодательства неохотно идут на придание публичного статуса данному юрисдикционному звену, система третейского разбирательства становится

все более востребованной в современном мире. И, как видится, авторитет третейских судов будет только возрастать.

Создание системы третейских судов и иных альтернативных форм разрешения споров также является показателем определенного кризиса сложившейся нормативной системы регулирования общественных отношений. Национальные правовые системы, прежде находившиеся в состоянии регулятивной самодостаточности, оказались перед лицом трансформации нормативных правил, отражающих концепции социальной справедливости в национальных и международных нормах. Политическим маркером таких трансформаций стали массовые протесты, охватившие большую часть современных стран.

Российский ученый-правовед Ю.А. Тихомиров, анализируя современный вектор изменения нормативных правил, говорит о трансформации традиционных способов правового регулирования, которые «дополняются ценностными положениями и общими принципами гражданского поведения». Речь идет, в том числе, об активизации включения в национальные механизмы правового регулирования «норм морали, этики, традиций, которые отличаются добровольным принятием и исполнением»¹. В перспективе мы будем иметь дело уже с другим правом, которое станет взаимодействовать с теми социальными регуляторами, которые сегодня не признаются правовыми. Так, долгое время не признавался нормативный характер мусульманского права, в основе которого лежит свод религиозных правил². Но реальная практика выполнения обязанностей мусульманином, формирование и функционирование целой системы шариатских судов в современных светских государствах заставляют задуматься о включенности данного «ненормативного» компонента в национальные механизмы правового регулирования.

---

¹ Тихомиров Ю.А. Новые векторы регулирования – «другое» право // Журнал российского права. – 2016. – № 4. – С. 8.

² Соловьева В.В., Полуэктова Е.И. Источники права в странах мусульманской цивилизации // Диалог. – 2025. – № 3. – С. 4–5.

То же касается индусского, иудейского, дальневосточного права¹ и даже традиционного права некоторых африканских регионов².

Имеется опасение, что тенденция реформирования привычных основ правового регулирования может активизировать архаичные формы нормативного воздействия на поведение участников общественных отношений и, как следствие, к регрессу в развитии мирового сообщества. Однако по данным некоторых исследований к 2100 г. примерно 50% всех жителей Земли будут принадлежать к правовой семье религиозно-общинного права, к мусульманской правовой системе, охватывающей большое число исламских государств, и к правовым системам, в которых действует обычное право³.

В связи с этим требуется проведение кропотливой нормотворческой работы, имеющей прочный научный фундамент, которая не ограничивалась бы только выполнением технических регламентов и процедур создания нормативных актов. Специалистам в области сравнительного правоправедения предстоит активно включиться в национальные процессы правотворчества с тем, чтобы создать новую, качественную концепцию взаимодействия своих правовых систем на юридической карте мира. В противном случае современная трансформация правового мира, его сущностное изменение станут причиной неуправляемых процессов правового регулирования на национальном и региональном уровнях.

Принцип разделения властей в условиях трансформации мирового правопорядка

Важной составляющей правового государства традиционно считается *принцип разделения властей*, который также подвергается изменению под воздействием национальных процессов правовой и политической трансформации. Исследователи признают, что в современном мире нет ни одного государства с функционирующей идеальной моделью разделения ветвей власти. Приводится

---

¹ Подробнее см.: Маюров Н.П. Традиционные и религиозные правовые семьи в странах современного мира // Социально-политические науки. – 2017. – № 5. – С. 56; Сатушиева Л.Х. Правовая традиция как исторически обусловленный нормативно-ценностный социокультурный феномен // Вестник Моск. ун-та МВД России. – 2024. – № 5. – С. 151–154.

² Хропина О.А., Елкина Н.Я. Феномен смешанных африканских правовых семей // Закон. Право. Государство. – 2025. – № 1. – С. 21–24.

³ Добротворский П.П. Основные тенденции и динамика развития правовой карты мира // Международная жизнь. – 2017. – № 5. – С. 132.

цельный ряд исторических, геополитических, экономических факторов, влияющих на дифференцированное развитие модели разделения властей¹. Основным вопросом реформирования данного принципа является не столько количественный показатель ветвей власти (некоторые авторы выделяют до десяти таких разновидностей²), сколько сущностная сторона системной организации деятельности государственной власти.

Если рассматривать постсоветскую практику функционирования самостоятельных ветвей публичной власти, то до настоящего времени в этом регионе нет определенности. Сразу после распада советской правовой системы новые суверенные государства, некогда бывшие союзные республики, стали ориентировать свои национальные законодательства на возврат к традиционным правовым истокам. В результате «прибалтийские» системы права вернули свой классический романо-германский статус с элементами северной правовой группы, куда традиционно входили Швеция, Дания, Норвегия, Исландия и Финляндия³. Южные регионы бывшего СССР, имевшие религиозную правовую ориентацию, также обратились к своим историческим корням, приветствуя инкорпорацию религиозных норм. Специфическую особенность в «незавершенности» своего правового обустройства показали Республика Беларусь, Украина и Российская Федерация. Но если в России наблюдался затяжной процесс правовой ориентации в силу особенностей ее политического и административного устройства, то правовые системы Беларуси и Украины еще требуют тщательного исследования их места и роли на юридической карте мира.

Правовая система Республики Беларусь представляет собой уникальный сплав влияния правовых традиций разных культур – от Великого княжества Литовского до Российской империи. Здесь гармонично уживаются романские, северные и даже дальневосточные правовые компоненты, которые стали предметом рецепции в последнее время. Глава Белорусского государства на полях саммита Шанхайской организации сотрудничества, проходившего

---

¹ Комарова В.В. Конституционная система власти и принцип разделения властей // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 9. – С. 36–46.

² Авакьян С.А. Политические отношения и конституционное регулирование в современной России: проблемы и перспективы // Журнал российского права. – 2003. – № 11. – С. 43–54.

³ Саидов А.Х. Сравнительное правоведение: основные правовые системы современности. – Москва, 2009. – С. 272.

в сентябре 2025 г., вполне обоснованно заявил, что Республике Беларусь будет не лишним позаимствовать у Китая определенные элементы политического устройства¹. Кроме того, уже сегодня в системе правового устройства Беларуси успешно функционируют компоненты далеко не романо-германского происхождения: судебные акты как источники права, практика издания указов нормативного характера, институт Всебелорусского народного собрания и т.д.

Подобные процессы, происходящие на современном постсоветском пространстве, не могут не повлиять и на концепцию принципа разделения властей, формирующего основу правовой государственности. Кроме того, и другие регионы современного мира готовы к реформированию своих национальных особенностей правового государства.

Основная идея принципа разделения властей состояла в недопущении публичного произвола, что гарантировала правильная организация взаимодействия ветвей власти. Под разделением властей понимается прежде всего совокупность «организационно-правовых форм осуществления государственной власти»². Но именно данные формы подлежат сегодня принципиальному пересмотру с позиций национальной государственной практики современных государств.

Во-первых, изменяется правовой статус органов государственной власти. Обнаружилась тенденция размывания границ компетенции этих органов относительно «чистоты» выполнения ими исключительно своих функций. Часто органы правотворчества становятся активными участниками реализации принятых ими норм. Субъекты нормотворчества не просто контролируют ряд данных поручений, но и активно толкуют сформированные ими правила поведения. Вопросы аутентического толкования часто реализуются не только посредством принятых в правовой системе форм, например через постановления парламентов, но и путем указаний административного характера, даваемых непосредственно должностными органами и лицами, участвующими в нормотворческом процессе. Особенно эта практика распростра-

---

¹ Лукашенко считает возможным перенять опыт Китая в политическом устройстве государства. – URL: <https://belta.by/president/view/lukashenko-schitaet-vozmozhnym-perenjat-opyt-kitaja-v-politicheskom-ustrojstve-gosudarstva-734720-2025/> (дата обращения 30.01.2026).

² Алешкова И.А., Власова Т.В. К вопросу о признаках и принципах правового государства // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 12. – С. 63.

нилась на постсоветском пространстве и в рамках правовых систем, ориентированных на нормы религиозно-нравственного характера.

Так, белорусская практика реализации государственной власти имеет целый ряд примеров, в которых исполнительные функции выполняют должностные лица правотворческих органов. В частности, Глава белорусского государства своим Указом определил так называемых уполномоченных по регионам. Эти лица одновременно являются руководителями палат Национального Собрания Республики Беларусь¹.

Что касается регионов традиционного (религиозно-общинного) права, расположенных не только в постсоветском регионе, то необходимо отметить, что специфика распределения функций между разными органами государственной власти всегда присутствовала в правовых системах этих стран. Так, в Конституции Ирана, хотя и закреплен принцип разделения властей, координацию и верховное руководство всеми ветвями государственной власти осуществляет Верховный лидер («рахбар») (ст. 97), который избирается Советом экспертов, состоящим из шариатских правоведов – «факихов» (ст. 107). Президент страны лишь возглавляет исполнительную власть Ирана (ст. 113)².

Своеобразна и китайская практика закрепления статуса органов государственной власти. Хотя принцип разделения властей формально и определен в законодательстве Китая, реально существует лишь независимость судебной власти, которая также имеет определенную специфику. Сами китайские исследователи отмечают, что реализация определенного Конституцией «принципа независимости судей в Китае пока еще далека от совершенства»³.

Подобных примеров можно привести множество. Как показатель уникальности национального опыта в реализации принципа разделения властей может быть рассмотрена каждая государственно-политическая единица на правовой карте мира. Главным критерием является установление степени расхождения в национально-

---

¹ Указ Президента Республики Беларусь от 28.03.2019 № 125 «О представителях государства». – URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=136207&ysclid=mi1mnzzibm283653949 (дата обращения 30.08.2025).

² Конституции государств Азии: в 3 т. – Москва, 2010. – Т. 1: Западная Азия. – С. 258, 260, 262.

³ Лян Минь Янь. Независимость судебной власти в Китае: проблемы и совершенствование // Вестник Восточно-Сибирского гос. ун-та технологий и управления. – 2010. – № 4. – С. 168.

правовых взглядах на доктрину принципа разделения властей. Каждое политическое образование видит основную цель независимости властей друг от друга в недопущении государственного произвола в отношении граждан и общества в целом. При этом характер допустимости злоупотребления правом со стороны публичных органов также имеет свои особенности для каждого из политических образований.

Заключение

Для того чтобы привести национальные подходы к единому правовому знаменателю в определении концепции правовой государственности, необходимо не устанавливать уникальность каждой правовой системы, а определять пути сближения национальных подходов в формировании новой доктрины правового государства. Допустима и региональная стратификация в существовании правового государства. Главное, чтобы сама концепция не утрачивала своей ценности и не нивелировалась политически ангажированными теориями, готовыми заменить такую общечеловеческую ценность, как правовое государство. Для этого необходима работа по созданию и закреплению доктринальных подходов в договорной форме. Подобно тому, как договорная теория формирования государственности имеет право на существование, так и конвенционные способы сближения национальных подходов приемлемы в условиях формирования нового мирового правопорядка. Характер подобного международного договора должен носить универсальный характер, а инициатива, как и сама непосредственная работа по созданию проекта документа, могут быть реализованы под эгидой Организации Объединенных Наций.

Содержание данного договора, с одной стороны, должно соответствовать традиционным подходам в определении концепции правового государства, с другой – учитывать историческую практику эволюции данной теории, а также современные условия глобальной трансформации национальных правовых систем. Неизменным остается лишь то, что «всякое государство есть народное достояние»¹, а реформирование уже созданной идеальной модели должно лишь приумножать это достояние.

---

¹ Цицерон Марк Тулий. Диалоги: О государстве. О законах. – Москва, 1966. – С. 20.